УДК 330.3:338.2(470+571)
JEL: O20, O4

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.993-1006>

Е. В. СЛЕСАРЕНКО¹

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово, Россия

СТРУКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ПРОГРЕССИВНОГО И БЕЗОПАСНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Слесаренко Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры экономики,
Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева
Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, тел.: +7 (384) 239-69-33
E-mail: slekvlad@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0030-646X>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-1121-2016>

Цель: определение влияния структуры экономики на прогрессивное и безопасное социально-экономическое развитие национальных экономических систем.

Методы: методологической основой исследования послужили научные разработки о взаимосвязях между структурными изменениями в экономике, уровнем развития и социально-экономической политикой государств, а также их положением в системе мирохозяйственных связей. В качестве конкретных методов использованы: метод теоретического познания, наблюдения, обобщения, сравнительного анализа, группировки данных, аналогии.

Результаты: в условиях подвижности внешней среды на государственном уровне одной из актуальных задач является поиск наиболее эффективной модели экономики. В России объективная потребность в прогрессивном восходящем развитии обусловлена технологическим отставанием, ростом уязвимости к экономическим вызовам современности. В работе определено, что одним из ключевых условий восходящего экономического развития является повышение технологического уровня в стране. При этом подчеркивается необходимость перехода от преобладания воспроизводственной системы к вертикально интегрированной системе межотраслевых цепочек производства. Указывается, что развитие рыночной экономики сопряжено с рядом вызовов, угрожающих такому развитию, включая снижение экономического суверенитета стран в результате преобладания отдельных экономик. Это определяет необходимость рассмотрения восходящего развития экономики страны через призму экономической безопасности. На основе анализа экономической литературы и приведенных статистических данных доказано, что структура экономики является фактором, показателем и условием восходящего движения национальных экономических систем. Движение национальных экономических систем по восходящей траектории, в свою очередь, рассматривается через призму прогрессивного и безопасного социально-экономического развития как объективного требования современной действительности, на достижение которого определяющее влияние оказывают структурные изменения в экономике. В этой связи доказана необходимость обеспечения структурной модернизации российской экономики как основы ее прогрессивного и безопасного развития.

Научная новизна: рассмотрение восходящего движения национальных экономических систем через призму обеспечения прогрессивного и безопасного социально-экономического развития, которое, в свою очередь, достигается за счет модернизации структуры экономики.

Практическая значимость: основные положения и выводы могут быть использованы при разработке основ государственной экономической политики, государственных стратегий социально-экономического развития национальной экономики на перспективу.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; структурная модернизация; российская экономика; прогрессивное и безопасное социально-экономическое развитие; структура экономики; национальная экономика; экономическое положение государства

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Слесаренко Е. В. Структурная модернизация как основа прогрессивного и безопасного социально-экономического развития российской экономики // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 1. С. 993–1006. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.993-1006>

E. V. SLESARENKO¹

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

STRUCTURAL MODERNIZATION AS THE BASIS OF PROGRESSIVE AND SAFE SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

Ekaterina V. Slesarenko, Senior Lecture of the Department of Economics, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev

Address: 28 Vesennaya Str., 650000 Kemerovo, tel.: +7 (384) 239-69-33

E-mail: slekvlad@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0030-646X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-1121-2016>

Objective: to determine the impact of economy structure on the progressive and safe socio-economic development of national economic systems.

Methods: the methodological basis of the study was the scientific research of the relationship between structural changes in the economy, the level of development and socio-economic policy of states, as well as their position in the system of world economic relations. The specific methods used were the method of theoretical cognition, the methods of observation, generalization, comparative analysis, data grouping, and analogy.

Results: under mobility of the external environment at the state level, one of the urgent tasks is to find the most effective model of economy. In Russia, the objective need for progressive upward development is due to technological backwardness and the increased vulnerability to the economic challenges of our time. It is determined that one of the key conditions for the upward economic development is to increase the technological level in the country. It emphasizes the need to move from the predominance of reproductive system to a vertically integrated system of inter-industry production chains. It is indicated that the development of a market economy is associated with a number of challenges that threaten such development, including the reduction of economic sovereignty of countries as a result of the predominance of individual economies. This determines the need to consider the upward development of the country's economy through the prism of economic security. Based on the analysis of economic literature and statistical data, it is proved that the economy structure is a factor, indicator and condition of the upward movement of national economic systems. The upward movement of national economic systems, in turn, is seen through the prism of progressive and safe socio-economic development as an objective requirement of modern reality, achieving of which is determined by the structural changes in the economy. In this regard, it is proved that it is necessary to ensure the structural modernization of the Russian economy as the basis of its progressive and safe development.

Scientific novelty: consideration of the upward movement of national economic systems through the prism of progressive and safe socio-economic development, which, in turn, is achieved through the modernization of the economy structure.

Practical significance: the main provisions and conclusions can be used in the development of the foundations of the state economic policy and state strategies of socio-economic development of the national economy in the future.

Keywords: Economics and national economy management; Structural modernization; Russian economy; Progressive and safe social and economic development; Economy structure; National economy; Economic situation of the state

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Slesarenko E. V. Structural modernization as the basis of progressive and safe social-economic development of the Russian economy, *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, vol. 13, No. 1, pp. 993–1006 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.993-1006>

Введение

Постановка проблемы. В современных условиях функционирования национальных экономик, определяемых высокой подвижностью внешней среды, обусловленной технологическим динамизмом, на фоне неизбежно возникающих угроз объективного и субъективного характера восходящее движение определяется необходимостью обеспечения таких качественных характеристик, как прогрессивность и безопасность. Обеспечение безопасности определяет жизнеспособность экономик в национальных масштабах, сопротивляемость и устойчивость к вызовам различного рода, возможность функционировать без потери экономического, технологического и политического суверенитета. Прогрессивность напрямую обуславливает конкурентоспособность, положение страны в мировом экономическом сообществе.

В рамках представленной проблематики наиболее актуальной задачей на правительственном уровне становится поиск эффективной модели развития рыночных экономик в современных условиях, способной не только обеспечить устойчивость в отношении возникающих внутренних и внешних вызовов, но и достичь прогрессивности протекающих процессов.

Необходимость проведения исследования. Для российской экономики необходимость обеспечения прогрессивного и безопасного социально-экономического развития объясняется нарастающим технологическим отставанием, с одной стороны, от стран «центра», с другой – от активно набирающего преимущества в мир-системе Китая. Низкая инновационная активность российской экономики, ее научная, технологическая и производственная деградация относительно развитых государств вполне объясняет снижение присутствия и статуса нашей страны на мировом рынке, особенно в сфере высоких технологий, определяющей основные контуры социально-экономического развития государств на современном этапе. Объясняет это и рост импортной зависимости по ряду товаров потребительского и производственного назначения.

Сложившаяся ситуация в российской экономике характеризуется повышением ее уязвимости к действию возникающих внутренних и внешних вызовов, подрывающих безопасность и наносящих ущерб национальным интересам. Наиболее значимыми внешними вызовами, к которым, в частности, отсутствует сопротивляемость у отечественной экономики, являются

действия развитых государств в масштабах мирового сообщества, последствия которых для нашей страны определяются: применением в отношении ключевых ее секторов дискриминационных мер; ограничениями доступа к иностранному капиталу и современным технологиям, принятыми в рамках санкционных пакетов; а также деятельностью наднациональных институтов в сфере регулирования финансовых и торгово-экономических отношений, созданных без участия России.

Результаты исследования

Развитие экономических систем на современном этапе определяется высокой изменчивостью управленческой, организационной и научно-технологической среды при высоких темпах научно-технического прогресса [1, с. 29–30]. Достижение всестороннего прогресса, результатом которого становится повышение технологического уровня в стране, применение передовых форм и методов организации производственного процесса, трудовых отношений и распределения собственности, является наиболее важным условием движения социально-экономической системы по восходящей траектории.

В современных условиях динамично меняющейся технико-технологической среды, быстрой смены технологических укладов и базовых принципов именно темпы научно-технического прогресса определяют рост национальных экономик. Так, масштабное развитие отраслей высоких технологий, финансируемое на правительственном уровне в США, привело не только к существенному увеличению их доли в структуре прироста реального валового внутреннего продукта (далее – ВВП), но и обеспечило стране баснословные прибыли, способствуя дальнейшему развитию экономики за счет накопления капитала и увеличения благосостояния нации (табл. 1).

Особенная значимость научно-технического прогресса в развитии экономики подчеркивалась еще в трудах Д. Белла [2, pp. 225–350] и Й. Шумпетера [3, с. 305]. На современном этапе данная идея прослеживается в исследованиях Н. И. Комкова [4, с. 30–43], О. С. Сухарева [5, с. 150–190], М. И. Абузяровой [6, с. 185], Ю. В. Яковца [7, с. 344], С. Ю. Глазьева [8, с. 27], М. А. Гасанова [9, с. 150] и других ученых. В частности, С. Ю. Глазьев отмечает, что формирование нового технологического уклада по мере ускорения научно-технического прогресса (далее – НТП) представляет собой основу преобразования экономики [8, с. 27].

Таблица 1
**Взаимосвязь доли отраслей высоких технологий
в структуре реального ВВП и темпов роста ВВП
в США***

**Table 1. Interaction of the share of high technology sectors
in the real GDP and the real GDP growth rate
in the USA***

Показатель / Indicator	Год / Year							
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Темп роста ВВП к 1990 г., % / GDP growth rate by 1990, %	100	99,07	101,8	104,1	107,7	110,2	114,0	118,5
Темп роста ВВП к предыдущему году, % / GDP growth rate by previous year, %	—	99,07	102,7	102,3	103,5	102,3	103,4	103,9
Доходы от использования высокотехнологичного оборудования, млрд долл. / Income from the use of high technology equipment, \$bln	3,6	4,6	5,2	5,6	7,0	8,3	—	—
Доля отраслей высоких технологий в ВВП, % / Share of high technology sectors in the GDP, %	17,2	17,3	17,0	17,23	18,1	18,8	18,5	18,8

* *Источник:* рассчитано автором по: U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States, 1999. Pp. 614, 697, 740.

* *Source:* calculated by the author with: U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States, 1999, pp. 614, 697, 740.

Однако стоит сказать о том, что прогресс не ограничивается только достижениями в науке и технике. Как было отмечено выше, развитие экономических систем на современном этапе обеспечивается высокой всесторонней изменчивостью экономической среды. В этом аспекте весьма интересны взгляды довольно внушительной группы российских ученых, в числе которых В. Л. Иноземцев, С. С. Губанов [10, с. 5–8], С. С. Дзарасов [11, с. 61–65], А. И. Татаркин, И. В. Макарова, Р. Б. Рудаков [12, с. 19–23], А. А. Амосов [13, с. 10], А. В. Алексеев [14, с. 50–52], Р. А. Кучуков [15, с. 21–22] и многие другие, связывающие развитие современной экономической системы не только с прогрессом производительных сил, для которых в соответствии с общеисторическим законом характерно замещение трудоемкого наукоемким, но также и с прогрессом производственных отношений, для которых, согласно эволюционному закону, характерна вертикальная интеграция.

Суть прогрессивного развития производственных отношений заключается в переходе от дезинте-

грированной воспроизводственной системы (отраслевое строение хозяйства) с преобладанием государственной или частной собственности к вертикально интегрированной системе межотраслевых цепочек производства конечных товаров с высокой долей добавленной стоимости на базе партнерства государства и бизнеса. В рамках межотраслевой интеграции извлечение основной массы прибыли осуществляется на этапе производства конечного продукта, а потому такая система сочетает в себе принципы экономической эффективности и высокой социальной ответственности. «Закон вертикальной интеграции, – отмечает С. С. Губанов, – дает точный и безошибочный критерий для идентификации меры прогрессивности социально-экономической системы любой из стран мира» [10, с. 5].

Находит этот тезис подтверждение и на практике, демонстрируя способность некогда отстающих государств добиться внушительных успехов в обеспечении роста и развития своих национальных экономик за счет межотраслевой интеграции на базе государственно-частного партнерства. Преобладание корпоративной формы собственности в рамках межотраслевой интеграции наблюдается в настоящее время и в развитых капиталистических странах мира, в числе которых США, Япония, Великобритания, Германия. Так, в Великобритании еще в 1992 г. была разработана концепция частной финансовой инициативы, цель которой состояла в привлечении частных капиталов к созданию и эксплуатации объектов социальной и производственной инфраструктуры, находящихся в государственной собственности [16, с. 67]. Подобный опыт применяется и в Германии. С этой целью правительство данной страны разрабатывает различные стратегии и ежегодно выделяет на их реализацию до 10 млрд долл. [17, с. 17].

Между тем характеристика развития рыночных экономик на современном этапе их функционирования не может быть полной только при условии достижения прогрессивности социально-экономических процессов, что прежде всего связано с наличием вызовов, угрожающих развитию национальной экономики. Еще Дж. Кейнс в свое время утверждал, что в рамках рыночной системы кризисы как следствие различных вызовов являются неотъемлемой ее частью [18, с. 226]. В современных условиях динамичности научно-технологических процессов такие явления

существенно увеличивают частоту своего возникновения, все более приобретая неизбежный характер.

Природа возникновения угроз, как правило, связана с макроэкономической нестабильностью, циклическими колебаниями, внешними воздействиями, имеющими объективную основу, а также субъективными факторами (ошибки в управлении). В особую группу объективных вызовов следует отнести те, которые связаны с функционированием и расширением капиталистической мир-системы, что выражается в стремлении развитых государств использовать свои накопленные преимущества в различных областях и сферах экономики как инструмент глобальной конкуренции. Прикрываясь известными неоклассическими догмами, развитые страны стремятся к ослаблению и полной дискредитации национальных суверенных государств, с тем чтобы обеспечить беспрепятственный вывоз капитала для дальнейшего своего обогащения и поддержания господства. Последствия политики стран «центра» в отношении периферийных государств, которые фактически свели к минимуму государственное регулирование своей экономики, выражаются в консервации технологической отсталости и нарастании угрозы потери экономического суверенитета, что особенно актуализирует необходимость обеспечения безопасности в развитии экономики.

Проблема обеспечения безопасности волновала умы философов и экономистов еще в далеком прошлом. Рассматривая понятие безопасности применительно к обществу и государству, они определяли ее как первостепенную, инстинктивную составляющую в системе общественных потребностей, существующую на грани бессознательного. Много позже эта идея нашла свое отражение в ранних трудах постсоветских ученых, которые также потребность в безопасности определяли как исходную потребность человека. Так, В. В. Серебряков утверждал, что «потребность в безопасности относится к числу первостепенных, основных мотивов деятельности людей и сообществ» [19, с. 6]. О. С. Виханский и Л. И. Наумов отмечали, что потребность в безопасности есть потребность человека, требующая первоочередного удовлетворения [20, с. 78].

Восприятие безопасности как исходной и наиболее важной потребности человека, а значит и общества, применительно к проблеме социально-экономическо-

го развития позволяет сделать вывод, что движение в сторону прогрессивных изменений становится возможным только в случае способности системы поддерживать свою жизнеспособность и отражать возникающие внутренние и внешние вызовы. В то же время зависимость безопасности и прогрессивности проявляется и в обратном направлении, когда наблюдаемое отсутствие прогресса в движении социально-экономической системы снижает устойчивость и сопротивляемость экономики к воздействию вызовов различного характера.

В этой связи рассмотрение процесса восходящего движения социально-экономических систем должно проходить через призму прогрессивного и безопасного развития, обеспечение которого в современных условиях становится объективной необходимостью.

Справедливости ради стоит отметить, что на современном этапе существует довольно обширное количество исследователей [21, с. 5; 22, с. 29; 23, с. 468; 24, с. 30; 25, р. 5], раскрывающих в своих трудах сущность безопасности национальной экономики. Однако никто из них не рассматривает восходящее движение экономических систем с точки зрения обеспечения прогрессивного и безопасного развития. Учитывая особую важность достижения в современных условиях прогрессивного и безопасного социально-экономического развития, считаем данный факт весомым упущением.

Под **прогрессивным и безопасным социально-экономическим развитием** понимаются качественные и количественные изменения эволюционного и накопительного характера в различных областях и сферах экономики (как, например, улучшение уровня и качества жизни населения, повышение технологического уровня экономики, применение передовых форм и методов организации производственного процесса, трудовых отношений, эффективного распределения собственности и дохода), ведущие к усложнению, дифференциации и повышению уровня организации системы, при одновременном создании условий для нейтрализации возникающих как внутренних, так и внешних вызовов.

Результатом изменчивости протекающих процессов в масштабах национальной экономики становится изменение пропорций в ее структуре. В частности, С. В. Кривяков в изменчивости структуры экономики усматривал непосредственную связь с развитием, замечая, что развитие экономической системы насту-

пает в том случае, когда эта система готова адекватно ответить на внешнее воздействие изменением своей внутренней структуры [26, с. 10]. Сложившаяся в определенных пропорциях структура экономики отражает облик и отраслевую специализацию страны, демонстрирует уровень развития производительных сил и производственных отношений, характеризуя положение экономики в системе мирохозяйственных связей.

Эволюционисты, в свою очередь, не только признавали высокую изменчивость структуры экономической системы во временном и пространственном отношении как переход от традиционного уклада к постиндустриальному этапу, но и связывали ее с действием научно-технического прогресса (далее – НТП), обеспечивающего развитие экономики. Рост использования достижений НТП по мере ускорения его темпов, появление высоких технологий, развитие наукоемких производств увеличивает значение технологического фактора, науки и образования, внося большие коррективы в секторальную структуру экономики.

Впервые трехсекторная модель экономики была представлена в трудах А. Фишера [27, pp. 24–38], К. Кларка [28, pp. 320–390] и Ж. Фурастье. Согласно теории А. Фишера и К. Кларка, каждая страна в своем развитии проходит три этапа (доиндустриальный, индустриальный и этап преимущественного роста сферы услуг). Несколько позже секторальная структура экономики была уточнена Д. Беллом и Р. Рейчем [29, pp. 123–150], которые привели ее в соответствие с хозяйственной практикой конца XX в.

Определяя развитие общества как закономерный линейно-эволюционный переход от менее совершенных структурных форм к более совершенным, ученые руководствовались реальными изменениями, происходившими в структуре экономик целого ряда стран, наиболее значимыми из которых становились изменения в структуре общественного производства. Так, к концу XX столетия отмечается стойкая тенденция к снижению доли первичного сектора в общемировом производстве. При этом в ряде развитых стран мира доля первичного сектора экономики фиксируется на уровне ниже общемировых значений более чем в два раза. Одновременно с этим наблюдается стабильное повышение доли индустриального сектора, а также устойчивое развитие сферы услуг (в том числе финансовых), которые к концу XX в. стали занимать большую часть в отраслевой структуре ВВП (табл. 2).

Однако наметившаяся к концу XX в. технологическая и научная неоднородность в мировой экономике, провоцирующая соответственно снижение темпов роста одних национальных хозяйств на фоне их увеличения в других странах, наводит ученых на мысль, что движение социально-экономической системы необязательно носит прогрессивно-поступательный характер. Поиск причин дифференциации стран мира по уровню социально-экономического развития приводит к выявлению тесной взаимосвязи не только восходящего, но и нисходящего движения экономики с изменениями ее структуры. Наиболее интересны в этом аспекте труды Т. Gylfason [32, pp. 847–859], J. Stijns [33, pp. 1060–1083], E. Suslova, N. Volchkova [34, pp. 65–85], Mlaabdal Saady Mahmood Abaas, Olena Chygryn с соавторами [35, pp. 155–163], С. М. Гуриева, А. Плеханова, К. И. Сониной [36, с. 4–23] и др.

В конечном счете в ряде исследований появляется классификация структурных изменений в соответствии с тем качеством, которое они несут для национальной экономики [37, с. 52–58; 38, с. 56]. Структурные изменения с положительным потенциалом описываются как изменения, способствующие повышению технологического уровня в стране, инновационности экономики, определяя ее прогрессивность и безопасность. Структурные сдвиги с отрицательным потенциалом, напротив, порождают обратные процессы, а также тенденции, определяемые как рост без развития, когда формальное увеличение темпов экономического роста не сопровождается прогрессом производительных сил или другими позитивными изменениями. Такие структурные сдвиги противоречат потребностям национальной экономики и ее стратегическим ориентирам, представляя собой угрозу прогрессивному и безопасному развитию.

Прослеживаемая в литературе взаимосвязь между экономическим положением государств и изменением структуры их экономик позволяет представить исследуемую категорию, прежде всего, как *фактор прогрессивного и безопасного социально-экономического развития*.

Дальнейший анализ научных трудов обнаруживает восприятие учеными структуры экономики как параметра оценки развития общества, что дает основание отнести его к тому или иному типу. Так, согласно теории А. Фишера и К. Кларка, общество относилось к аграрному, промышленному типу или

Таблица 2

**Изменение отраслевой структуры валового внутреннего продукта некоторых стран мира
(в процентах к итогу)***

**Table 2. Changes in the GDP sector structure
in some countries (% to the total)***

Страна / Country	Год / Year	Доля отрасли экономики в ВВП / Share of the sector in GDP								
		Материальное производство / Material production				Производство услуг / Services				
		Всего / Total	В том числе / Including			Всего / Total	В том числе / Including			
			сельское хозяйство / Agriculture	промышленность / Industry	строительство / Construction		транспорт и связь / Transportation and communication	торговля / Trade	финансовые услуги / Financial services	прочие услуги / Other services
США / USA	1900	30,7	9,1	18,4	3,2	69,3	9,5	21,1	4,2	34,5
	1950	23,0	4,3	16,8	1,9	77,0	4,8	20,0	4,7	47,5
	2000	30,7	1,8	22,6	6,3	69,3	2,1	19,0	4,9	43,3
	2013	21,9	1,4	16,6	3,9	78,1	21,9		30,4	25,8
Великобритания / Great Britain	1900	28,0	2,2	20,4	5,4	72,0	11,5	20,0	6,5	34
	1950	38,5	1,8	28,6	8,1	61,5	9,9	19,8	5,5	26,3
	2000	29,7	1,4	22,6	5,7	70,3	5,7	20,3	2,0	42,3
	2014	20,5	0,6	13,5	6,4	79,5	24,6		32,6	22,3
Германия / Germany	1900	25,1	7,4	13,5	4,2	74,9	9,3	18,6	4,7	42,3
	1950	32,2	5,3	21,6	5,3	67,8	8,1	19,8	4,7	35,2
	2000	40,9	2,4	31,2	7,3	59,1	7,2	19,5	4,2	28,2
	2014	31,5	0,8	25,9	4,8	68,5	20,2		26,0	22,3
Япония / Japan	1900	31,3	17,3	11,3	2,7	68,7	6,7	20,0	1,3	40,7
	1950	24,7	11,0	10,4	3,3	75,3	5,9	20,3	1,4	47,7
	2000	31,2	2,1	23,6	5,5	68,8	3,7	26,1	3,6	35,4
	2013	27,5	1,2	20,4	5,9	72,5	25,0		16,3	31,2
Китай / China	1900	34,3	28,6	5,0	0,7	65,7	7,1	28,6	1,4	28,6
	1950	42,8	32,1	9,3	1,4	57,2	7,1	26,8	1,8	21,5
	2000	39,2	12,0	22,8	4,4	60,8	4,0	21,1	1,5	34,2
	2013	53,5	9,7	36,9	6,9	46,5	15,7		19,3	11,5
Россия / Russia	1900	41,3	13,7	23,3	4,3	58,7	11,3	18,7	1,0	27,7
	1950	42,8	7,6	27,6	7,6	57,2	8,6	12,4	1,0	35,2
	1970	90,1	16,1	63,5	10,5	9,9	...	...	...	...

* Источник: [30, с. 517–520; 31, с. 344]. Данные за 2000, 2013, 2014, 2016 гг. рассчитаны автором по официальным данным Росстата.

* Source: [30, p. 517–520; 31, p. 344]. Results for 2000, 2013, 2014, and 2016 were calculated by the author with official data of Rosstat.

характеризовалось преимущественно производством услуг в соответствии с долей производимой продукции и распределением капитала по секторам экономики. Ж. Фурастье, в свою очередь, развитие экономических систем предлагал оценивать с точки зрения изменений, происходящих в структуре рабочей силы по известным секторам экономики.

Показателями оценки уровня социально-экономического развития экономики в трудах исследователей также становились структура валовой добавленной стоимости по отраслям народного хозяйства, структура извлекаемой прибыли по видам экономической деятельности, товарная структура экспорта, импорта и пр.

Исследование структуры экономики позволяло оценить качественные характеристики движения конкретной социально-экономической системы как, например, состояние производительных сил общества, его научно-технического и технологического базиса, определить место и роль в международном разделении труда и мировой экономике в целом. В этом смысле структура экономики представляла собой наиболее важный *показатель оценки прогрессивного и безопасного социально-экономического развития*.

Однако для динамичного развития национальной экономики недостаточно стихийного изменения ее структуры. Масштабное социально-экономическое развитие, как свидетельствует мировой опыт, стало возможным лишь в тех государствах, правительства которых в рамках проведения макроэкономической политики воздействовали на изменение структуры экономики, задавая тенденции к ее формированию в пропорциях, отвечающих как национальным потребностям, так и требованиям мирового рынка. Наиболее важным инструментом воздействия во все времена являлись масштабные государственные вливания в экономику, способствующие повышению уровня наукоемкости и диверсификации национальной промышленности. Показателен в этом отношении опыт США, где затраты на развитие отраслей высоких технологий имели повышательную тенденцию начиная с 1960 г. При этом только государственные расходы на науку за период 1960–1998 гг. увеличились в 7,5 раза [1, с. 32–33]. Успех динамично развивающихся стран Азии также всецело определялся целенаправленно проводимой политикой правительства этих государств, в рамках которой структурное преобразование экономики осуществлялось за счет масштабных государственных инвестиций.

Претерпевая изменения, структура экономики запускала процессы преобразования национального хозяйства, а впоследствии становилась необходимым *условием* поддержания темпов экономического роста в стране. В частности, проведение комплексной государственной экономической политики в странах Западной Европы и США в середине XX в., направленной на изменение пропорций в технологической структуре, способствовало становлению постиндустриальной экономики и закреплению за ними статуса передовых государств.

Таким образом, в контексте исследования проблем восходящего движения структура национальных экономик должна рассматриваться как многоаспектная категория, представляющая собой фактор, показатель и условие прогрессивного и безопасного социально-экономического развития. Угрозой прогрессивного и безопасного развития следует признавать нарушение пропорций в той степени, в которой они способны свести к минимуму сопротивляемость национальной экономики к воздействию различных негативных факторов. Так, еще В. Парето угрозой безопасности признавал всякие нарушения в соотношении между различными составляющими в обществе. А В. К. Сенчагов на этот счет справедливо замечал, что «если экономика и общество отвечают критериям целостности, гармоничного сочетания их отдельных частей (секторов, отраслей, видов деятельности и т. д.), то они устойчивы и лучше защищены от угроз, вызовов и рисков и, следовательно, имеют запас прочности в обеспечении своего безопасного развития» [39, с. 64].

Российский опыт конца XX – начала XXI вв. служит наглядным примером структурных сдвигов с отрицательным потенциалом, которые фактически свели к минимуму сопротивляемость национальной экономики к действию возникающих негативных факторов, определив отсутствие способности к прогрессивному и безопасному социально-экономическому развитию. В частности, к таким сдвигам в структуре российской экономики следует отнести:

- 1) снижение доли промышленного производства в отраслевой структуре экономики;
- 2) снижение доли обрабатывающей промышленности в структуре промышленного производства страны в целом и доли обрабатывающей промышленности, не связанной с переработкой топливно-энергетических ресурсов, в частности;
- 3) снижение доли машиностроения в общем объеме обрабатывающей промышленности России;
- 4) увеличение доли нематериальной сферы в отраслевой структуре ВВП, однако не за счет той ее части, которая сопряжена с производством социально значимых, интеллектуальных и информационных услуг, а за счет преимущественного роста торговли и спекулятивных операций.

Результатом сложившихся тенденций, которые явились, в свою очередь, следствием взятого кур-

са на увеличение объемов добычи и продажи на экспорт полезных ископаемых на фоне дефицита внутреннего производства предметов потребления, становится серьезная зависимость экономического роста от высокой волатильности цен на ресурсы на внешнем рынке.

Как следствие, продолжились закрепляться нежелательные тенденции в структуре экспорта и импорта России, начало которым было положено еще в конце советского периода, а именно:

5) поступательное увеличение доли экспорта топливно-энергетических товаров на фоне снижения доли экспортируемых машин, оборудования и технологий;

6) увеличение доли импорта продукции обрабатывающей промышленности, в частности, продукции машиностроительной отрасли.

Импортная зависимость от ряда товаров обрабатывающей промышленности, наряду с высокой иностранной конкуренцией на внутренних рынках, сдерживающей развитие отечественного производства, – еще один реальный вызов прогрессивному и безопасному развитию российской экономики, обусловленный структурными изменениями последних десятилетий. В частности, серьезное деструктивное влияние на прогрессивное и безопасное развитие российской экономики оказывает ее зависимость от импорта высокотехнологичной продукции. Во-первых, потому, что ввозимые в Россию технологии являются не самыми прогрессивными, а во-вторых, их ввоз тщательно контролируется развитыми странами, находящимися на вершине создания новых технологических принципов. К слову, список запрещенных для ввоза в нашу страну технологий в рамках принятых санкционных пакетов продолжает расширяться.

Серьезные изменения претерпела и структура отношений собственности, которая, в частности, характеризуется:

7) сведением к минимуму участия государства в деятельности предприятий стратегически важных отраслей добычи полезных ископаемых, а также производства кокса и нефтепродуктов, что вполне объясняет известный российский парадокс: повышение цен на бензин в условиях снижения мировых цен на нефть. Объясняет это и высокие показатели рентабельности данных предприятий.

За годы функционирования российской экономики наиболее рентабельными отраслями промышленности были и остаются отрасли по добыче полезных ископаемых и их первичной переработке. В среднем доходность сырьевых отраслей в России на протяжении последних лет колеблется в пределах 10–14 %, а по отдельным из них достигает 20–30 %. Максимальная рентабельность предприятий машиностроительной отрасли в российской экономике в среднем составляет около 7 %. При этом отдельные предприятия отраслей машиностроительного комплекса стабильно демонстрируют довольно низкие значения финансового результата, а некоторые из них и вовсе на протяжении нескольких лет являются убыточными.

Отсутствие эффективного механизма изъятия и перераспределения сверхприбылей, получаемых отдельными предприятиями в сфере добычи природных ресурсов и их первичной переработки, фактически наращивает структурную деформацию российской экономики. Ввиду отстраненности государства от этих процессов полученные сверхприбыли в добывающем секторе российской экономики, становясь средством личного обогащения, как правило, инвестируются в наиболее привлекательные с точки зрения отдачи вложенных средств отрасли или вовсе направляются за границу, увеличивая экономический потенциал других стран.

Изменение отраслевой структуры российской экономики неизбежно повлекло за собой и перераспределение занятых в народном хозяйстве, которое характеризуется:

8) увеличением их доли в торговле и финансовом сегменте экономики на фоне снижения занятых в промышленности и сельском хозяйстве.

Фактически перераспределение занятых по секторам экономики выразилось в переводе рабочей силы из производственных секторов в непромышленную сферу, что породило угрозу острой нехватки высококвалифицированного рабочего персонала для потребностей реального сектора наряду с ухудшением качественного состава научно-производственных кадров. Следует упомянуть, что данные тенденции происходят на фоне увеличения общего уровня образования в стране.

Изменения пропорций в структуре российской экономики представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Изменение пропорций в структуре
общественного производства России
(в процентах к итогу)***

**Table 3. Changes in proportions of industry sector in Russia
(% to the total)***

Показатель / Indicator	Год / Year	
	1991	2017
Доля промышленного производства в отраслевой структуре ВВП / Share of industrial production in the sectoral structure of GDP	60,5	25,0
Доля обрабатывающей промышленности в структуре промышленного производства / Share of processing industry in the structure of industrial production	72,0	51,0
Доля обрабатывающей промышленности, не связанной с производством и переработкой топливно-энергетических ресурсов, в структуре обрабатывающей промышленности / Share of processing industry, not associated with production and processing of fuel-energy resources, in the structure of industrial production	93,2	79,0
Доля машиностроения в структуре обрабатывающей промышленности / Share of machine-building in the structure of processing industry	35,0	19,5
Доля торговли и финансовых услуг в отраслевой структуре ВВП / Share of trade and financial services in the sectoral structure of GDP	15,0	35,2
Доля топливно-энергетических ресурсов в товарной структуре экспорта / Share of fuel-energy resources in the product structure of export	47,3	59,2
Доля машиностроительной продукции в товарной структуре экспорта / Share of machine-building production in the product structure of export	15,0	8,5
Доля машиностроительной продукции в товарной структуре импорта / Share of machine-building production in the product structure of import	40,7	47,4
Доля государственной собственности в стратегически важных отраслях добычи полезных ископаемых / Share of state property in strategically significant sectors of natural resources extraction	4,5	1,1
Доля занятого населения в промышленности и сельском хозяйстве / Share of the population employed in industry and agriculture	41,2	28,1
Доля занятого населения в торговле и финансовом сегменте экономики / Share of the population employed in trade and financial sector	10,8	37,3

* Источник: данные за 1991, 2017 гг. рассчитаны автором по официальным данным Росстата.

* Source: Results for 1991 and 2017 were calculated by the author with official data of Rosstat.

Выводы

Современное положение России в мировой экономике как следствие описанных тенденций можно охарактеризовать следующими цифрами:

– доля ВВП России в общемировом ВВП составляет около 2,2 % против 18 % китайских и 15 %, приходящихся на США¹;

– доля инновационной продукции в структуре экспорта России составляет около 6 % против 47 % аналогичного показателя в Китае [40, с. 157];

– доля России в международной торговле – 2,1 % против 13,8 и 9,1 %, приходящихся на Китай и США соответственно².

Наиболее подробно последствия структурных изменений, сложившихся за годы реформ в России, рассмотрены автором в статье [41, с. 124–139]. В целом же стоит отметить, что результатом структурных диспропорций в структуре российской экономики стало снижение ее независимости, конкурентоспособности и, как следствие, сопротивляемости к действию возникающих внешних и внутренних вызовов, что и определило отсутствие способности к прогрессивному и безопасному социально-экономическому развитию.

В концептуальном плане для решения структурных проблем российской экономике требуется не просто диверсификация национальной промышленности, а модернизация экономики в целом и структурная модернизация в частности, учитывая особую важность структуры экономики как фактора, показателя и условия прогрессивного и безопасного социально-экономического развития. Акцент на модернизационных процессах структуры экономики в рамках исследуемой проблематики объясняется характером изменений, осуществляемых на основе гибких и плавных последовательных улучшений с учетом предыдущих результатов, принимая во внимание сложившиеся институты, накопленный опыт, а также национальные особенности ведения хозяйства. Преобразование структуры экономики без резких, радикальных сдвигов демонстрирует наиболее эффективные результаты в масштабах развития национальных экономик и повышения их благосостояния. В отличие от трансформации хозяйственных систем, сопровождаемой быстрыми радикальными изменениями, нередко несущими в себе кардинальное изменение целевой направленности, коренную ломку сформировавшихся в ходе эволюционного движения институтов, что в условиях национальной самобытности не всегда приводило к развитию. Наглядным примером условной модернизации, приведшей к трансформации экономической системы без ее развития, является

¹ Россия и страны мира 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 93–94.

² Там же. С. 363.

политика реформирования российской экономики в 1990-х гг., которая не только не принесла видимых позитивно-прогрессивных результатов, но и обернулась затяжным кризисом, последствия которого наша страна не может преодолеть до сих пор.

При эволюционном поступательном подходе в развитии экономики наиболее оправданным и приемлемым способом прогрессивного и безопасного социально-экономического развития признается структурная модернизация как поступательный целенаправленный процесс, осуществляемый в рамках реализации макроэкономической политики государства.

В основу структурной модернизации российской экономики должны быть положены реиндустриализация и неоиндустриализация национальной промышленности, реструктуризация машиностроительного комплекса на базе высокотехнологичного и технотронного становления производительных сил. В рамках реиндустриализации акцент должен быть сделан на воссоздание с учетом современных потребностей и технологий тех гражданских отраслей обрабатывающей промышленности, которые имели развитие в СССР, но были утрачены в силу различных обстоятельств. В рамках неоиндустриализации предполагается создание новых наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности, прежде всего машиностроительного комплекса, одновременно с проведением его реструктуризации, под которой понимается необходимость смещения акцентов в пользу развития отраслей гражданского назначения.

Кроме обозначенных перспектив, структурная модернизация российской экономики должна проходить с опорой преимущественно на собственный научно-технический потенциал и ресурсы, сочетая

в себе как прямое, так и косвенное воздействие государства на экономику. В рамках централизованного воздействия государства на хозяйственные процессы подразумевается создание системы государственного прогнозирования и индикативного планирования, которые представляют собой наиболее эффективный инструмент достижения и поддержания рациональных пропорций в экономической структуре в условиях серьезной подвижности внешней среды и подрыва регулирующей роли рынка транснациональными олигополистическими структурами. С этой целью требуется формирование на правительственном уровне долгосрочных планов и целевых программ достижения прогрессивного и безопасного социально-экономического развития экономики, в концептуальном плане ориентированных:

- на стартовое государственное инвестирование приоритетных отраслей народного хозяйства;
- поддержание совокупного внутреннего спроса и стимулирование потребления;
- контроль государства над процессами образования и перераспределения ренты, движением иностранного капитала;
- формирование системы собственности с оптимальным соотношением ее различных форм, организация частно-государственного партнерства [42, с. 897–912].

Представленные перспективы прежде всего ориентированы на необходимость выправления сложившихся структурных диспропорций и достижения впоследствии такой экономической структуры, которая позволит обеспечить нашей стране статус экономически независимой, передовой в технологическом отношении державы мира.

Список литературы

1. Любимцева С. В. Законы структурной эволюции экономических систем // Экономист. 2003. № 10. С. 29–40.
2. Bell D. The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting. N. Y.: Collman Pub, 1973. 884 p.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
4. Комков Н. И. Роль инноваций и технологий в развитии экономики и общества // Проблемы прогнозирования. 2003. № 3. С. 24–43.
5. Сухарев О. С. Экономика технологического развития. М.: Финансы и статистика, 2008. 481 с.
6. Абузярова М. И. Методологические основы структурных сдвигов в экономике // Экономические науки. 2011. № 4 (77). С. 181–185.
7. Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI в. М.: Экономика, 2004. 444 с.
8. Глазьев С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 26–38.

9. Зубарев А. Е., Гасанов Э. А., Гасанов М. А. Технологический динамизм экономики и доминирующие инновационные кластеры // Вестник ТОГУ. 2011. № 1 (20). С. 149–158.
10. Губанов С. С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) // Экономист. 2015. № 10. С. 3–51.
11. Дзарасов С. С. Российский кризис: истоки и уроки // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 69–85.
12. Татаркин А. И., Макарова И. В., Рудаков Р. Б. Уроки зарубежного опыта импортозамещения // Экономист. № 5. 2016. С. 14–29.
13. Амосов А. А. Можно ли отложить до 2017 г. поворот к новому индустриальному развитию // Экономист. 2015. № 3. С. 3–13.
14. Алексеев А. В. Создание инновационной экономики: государство начинает? // Экономист. 2015. № 6. С. 48–56.
15. Кучуков Р. А. Безальтернативность плановой неоиндустриализации // Экономист. 2015. № 4. С. 18–28.
16. Варнавский В. Г. Новая концепция государственно-частного партнерства в Великобритании // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 8. С. 67–75.
17. Толкачев С. А. Две модели неоиндустриализации: Германия – «Индустрия 4.0», США – «Промышленный интернет» // Экономист. № 9. 2015. С. 13–23.
18. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. Т. 2. М.: Эконов, 1993. 486 с.
19. Серебряков В. В. Социальная безопасность России: концептуальный подход. М.: РИЦ, 1995. 155 с.
20. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экономистъ, 2006. 670 с.
21. Абалкин Л. А. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–14.
22. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е. А. Олейникова. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997. 288 с.
23. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. 896 с.
24. Афонцев С. А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения, 2002. № 10. С. 30–39.
25. Jelena Stankevičienė, Tatjana Sviderskė, Algita Miečinskienė Comparison of country risk, sustainability and economic safety indices // Business: Theory and Practice. 2014. № 15 (1). Pp. 1–10.
26. Кривяков С. В. Теоретический анализ экономических систем. Томск: Изд-во Томского университета, 2007. 148 с.
27. Fisher A. Production, primary, secondary and tertiary // Economic Record 15.1. 1939. Pp. 24–38.
28. Clark C. The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940. 504 p.
29. Reich R. The work of nations. Preparing ourselves for 21st century capitalism. New-York, 1992. 188 p.
30. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М.: Экономистъ, 2003. 604 с.
31. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.
32. Gylfason T. Natural resources, education and economic development // European economic review. 2001. Vol. 45, № 4–6. Pp. 847–859.
33. Stijns J. Natural resource abundance and human capital accumulation // World development. 2006. Vol. 34, № 6. Pp. 1060–1083.
34. Suslova E., Volchkova N. Human capital, industrial growth and resource curse // New economic school working paper. 2007. № 13. Pp. 65–85.
35. Mlaabdal Saady Mahmood Abaas, Chygryn O., Kubatko O., Pimonenko T. Social and economic drivers of national economic development: the case of OPEC countries // Problems and Perspectives in Management. 2018. Vol. 16, Is. 4. Pp. 155–168.
36. Гуриев С. М., Плеханов А. С., Сонин К. И. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23.
37. Красильников О. Ю. Проблемы структурных преобразований в экономике // Экономист. 2005. № 8. С. 52–58.
38. Сухарев О. С. К разработке комплексной методики анализа структурных сдвигов в национальной экономике // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 13 (202). С. 56–64.
39. Сенчагов В. К. Национальная структурная политика – путь к обеспечению экономической безопасности // Вестник Российской академии естественных наук. 2015. № 5. С. 64–70.
40. Калабеков И. Г. Россия, Китай и США в цифрах: справочное издание. М., 2014. 254 с.
41. Осокина Н. В., Слесаренко Е. В. Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности России // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2 (38). С. 124–139.
42. Слесаренко Е. В. Основные ориентиры политики структурной модернизации современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 5 (362). С. 897–912.

References

1. Lyubimtseva S. V. Laws of structural evolution of economic systems, *Ekonomist*, 2003, No. 10, pp. 29–40 (in Russ.).
2. Bell D. *The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting*, N. Y., Collman Pub, 1973, 884 p.
3. Shumpeter I. *Theory of economic development*, Moscow, Progress, 1982, 455 p. (in Russ.).
4. Komkov N. I. Role of innovations and technologies in the development of economy and society, *Problemy prognozirovaniya*, 2003, No. 3, pp. 24–43 (in Russ.).
5. Sukharev O. S. *Economy of technological development*, Moscow, Finansy i statistika, 2008, 481 p. (in Russ.).
6. Abuzyarova M. I. Methodological bases of structural shifts in economy, *Ekonomicheskie nauki*, 2011, No. 4 (77), pp. 181–185 (in Russ.).
7. Yakovets Yu. V. *Epoch-making innovations of the 21st century*, Moscow, Ekonomika, 2004, 444 p. (in Russ.).
8. Glaz'ev S. Yu. Global economic crisis as a process of changing eth technological setups, *Voprosy ekonomiki*, 2009, No. 3, pp. 26–38 (in Russ.).
9. Zubarev A. E., Gasanov E. A., Gasanov M. A. Technological dynamism of economy and dominating innovative clusters, *Vestnik TOGU*, 2011, No. 1 (20), pp. 149–158 (in Russ.).
10. Gubanov S. S. Crisis realia of Russia and their reflection in estimations of the government (analyzing an article by D. Medvedev), *Ekonomist*, 2015, No. 10, pp. 3–51 (in Russ.).
11. Dzarasov S. S. Crisis in Russia: sources and lessons, *Voprosy ekonomiki*, 2009, No. 5, pp. 69–85 (in Russ.).
12. Tatarkin A. I., Makarova I. V., Rudakov R. B. Lessons of the foreign experience of import substitution, *Ekonomist*, No. 5, 2016, pp. 14–29 (in Russ.).
13. Amosov A. A. Is it possible to postpone till 2017 the turn to new industrial development?, *Ekonomist*, 2015, No. 3, pp. 3–13 (in Russ.).
14. Alekseev A. V. Creating innovative economy: the state starts?, *Ekonomist*, 2015, No. 6, pp. 48–56 (in Russ.).
15. Kuchukov R. A. No alternative to planned neo-industrialization, *Ekonomist*, 2015, No. 4, pp. 18–28 (in Russ.).
16. Varnavskii V. G. New conception of state-private partnership in Great Britain, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, No. 8, pp. 67–75 (in Russ.).
17. Tolkachev S. A. Two models of neo-industrialization: Germany “Industry 4.0” and the USA – “Industrial Internet of Things”, *Ekonomist*, No. 9, 2015, pp. 13–23 (in Russ.).
18. Keynes J. M. The general theory of employment, interest and money, *Antologiya ekonomicheskoi klassiki*, Vol. 2, Moscow, Ekonov, 1993, 486 p. (in Russ.).
19. Serebryakov V. V. *Social security of Russia: conceptual approach*, Moscow, RITs, 1995, 155 p. (in Russ.).
20. Vikhanskii O. S., Naumov A. I. *Management*, Moscow, Ekonomist", 2006, 670 p. (in Russ.).
21. Abalkin L. A. Economic security of Russia: threats and their repulsion, *Voprosy ekonomiki*, 1994, No. 12, pp. 4–14 (in Russ.).
22. *Bases of economic security (state, region, enterprise, personality)*, ed. E. A. Oleinikov, Moscow, ZAO "Biznes-shkola "Intel-sintez", 1997, 288 p. (in Russ.).
23. *Economic security of Russia: general course*, ed. V. K. Senchagov, Moscow, Delo, 2005, 896 p. (in Russ.).
24. Afontsev S. A. National economic security: on the way to theoretical consensus, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2002, No. 10, pp. 30–39 (in Russ.).
25. Stankevičienė J., Sviderskė T., Miečinskienė A. Comparison of country risk, sustainability and economic safety indices, *Business: Theory and Practice*, 2014, No. 15 (1), pp. 1–10.
26. Krivyakov S. V. *Theoretical analysis of economic systems*, Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 2007, 148 p. (in Russ.).
27. Fisher A. Production, primary, secondary and tertiary, *Economic Record*, 1939, No. 15 (1), pp. 24–38.
28. Clark C. *The Conditions of Economic Progress*, London, Macmillan, 1940, 504 p.
29. Reich R. *The work of nations. Preparing ourselves for 21st century capitalism*, New York, 1992, 188 p.
30. *Global economy: global trends during 100 years*, ed. I. S. Korolev, Moscow, Ekonomist", 2003, 604 p. (in Russ.).
31. *People's economy of the USSR during 70 years: a jubilee statistical year-book*, Goskomstat SSSR, Moscow, Finansy i statistika, 1987, 766 p. (in Russ.).
32. Gylfason T. Natural resources, education and economic development, *European economic review*, 2001, Vol. 45, No. 4–6, pp. 847–859.
33. Stijns J. Natural resource abundance and human capital accumulation, *World development*, 2006, Vol. 34, No. 6, pp. 1060–1083.
34. Suslova E., Volchkova N. Human capital, industrial growth and resource curse, *New economic school working paper*, 2007, No. 13, pp. 65–85.
35. Mlaabdal Saady Mahmood Abaas, Chygryn O., Kubatko O., Pimonenko T. Social and economic drivers of national economic development: the case of OPEC countries, *Problems and Perspectives in Management*, 2018, Vol. 16, Is. 4, pp. 155–168.

36. Guriev S. M., Plekhanov A. S., Sonin K. I. Economic mechanism of the “raw materials” model of development, *Voprosy ekonomiki*, 2010, No. 3, pp. 4–23 (in Russ.).
37. Krasil'nikov O. Yu. Problems of structural transformations in economy, *Ekonomist*, 2005, No. 8, pp. 52–58 (in Russ.).
38. Sukharev O. S. On the elaboration of a comprehensive methodology for analyzing the structural shifts in national economy, *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2013, No. 13 (202), pp. 56–64 (in Russ.).
39. Senchagov V. K. National structural policy – a way to providing economic security, *Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk*, 2015, No. 5, pp. 64–70 (in Russ.).
40. Kalabekov I. G. *Russia, China and the USA in figures, reference book*, Moscow, 2014, 254 p. (in Russ.).
41. Osokina N. V., Slesarenko E. V. Structural disproportions as a threat to economic security of Russia, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, Vol. 10, No. 2 (38), pp. 124–139 (in Russ.).
42. Slesarenko E. V. Key benchmarks of the policy of structural modernization of contemporary Russia, *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2018, Vol. 14, No. 5 (362), pp. 897–912 (in Russ.).

Дата поступления / Received 09.11.2018

Дата принятия в печать / Accepted 27.02.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2019

© Слесаренко Е. В., 2019

© Slesarenko E. V., 2019

ПОЗНАНИЕ

Бикеев, И. И., Кабанов, П. А.

Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики / И. И. Бикеев, П. А. Кабанов. В 3 т. Т. 3. – Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 240 с. (Серия: Противодействие коррупции).

В книге рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с антикоррупционным просвещением как инструментом противодействия коррупции. Изложены особенности правового регулирования этого инструмента на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также особенности оценки качества его организации и осуществления в органах публичной власти и организациях.

Работа предназначена для лиц, реализующих государственную политику противодействия коррупции, научных работников, преподавателей, обучающихся и всех, кто интересуется проблемами коррупции.